

Алтаев А.Ш.

**Из истории развития
национальных учебных
заведений в Южном
Казахстане в колониальный
период**

В статье рассматривается история развития национальных учебных заведений в Южном Казахстане во время царского правления. В политике царского правительства по отношению к мусульманским учебным заведениям происходила трансформация, развившаяся в повороте от поддержки до полного контроля и запрета. Несмотря на то, что под давлением религиозных и этнических общин на территории Южного Казахстана открывались национальные школы, царское правительство проводило политику насильственной христианизации и русификации.

Ключевые слова: Мусульманские учебные заведения, Министерство народного просвещения, мектебы, Туркестанский край, церковно-приходские школы, политика насильственной христианизации и русификации.

Altayev A.Sh.

**From the history of development
of the national educational
institutions in the South
Kazakhstan during the colonial
period**

There was a transformation in the policy of the tsarist government in relation to the Muslim schools, expressed in the turn from support to complete control and prohibition. Despite the fact that under the pressure of the religious and ethnic communities on the territory of the South Kazakhstan national schools were opening, the tsarist government pursued a policy of forced christianization and russification.

Key words: Muslim educational institutions, the Ministry of national enlightenment, schools, Turkestan region, parochial schools, the policy of forced christianization and russification.

Алтаев А.Ш.

**Отаршылдық кезеңіндегі
Оңтүстік Қазақстандағы
ұлттық оқу орындарының
даму тарихы**

Патшалық үкіметтің мұсылмандық оқу орындарына қатысты саясаты трансформация түрінде жүргізілді; толықтай бақылау және тыйым салуды қолдау түрінде болды. Бұған қарамастан-ақ, Оңтүстік Қазақстан территориясында діни және этникалық қауымның күштеуімен ұлттық мектептер ашылды, сондықтан патшалық үкімет христиандандыру және орыстандыру саясатын зорлық-зомбылықпен жүргізді.

Түйін сөздер: мұсылмандық оқу орындары, Халықтық Азортық министрлігі, мектептер, Түркістан өлкесі, шіркеулік мектептер, христиандандыру және орыстандыру саясаты.

**ИЗ ИСТОРИИ
РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
В ЮЖНОМ
КАЗАХСТАНЕ
В КОЛОНИАЛЬНЫЙ
ПЕРИОД**

С начала включения Казахстана в сферу влияния экономики и культуры России царизм нуждался в проводниках распространения своей политики. Таким проводником могло служить мусульманское духовенство татар и мурз, являвшихся опорой самодержавия в данном вопросе. Для успешного проведения политических целей правительством предпринимались меры по привлечению коренных народов на свою сторону. Реализацией поставленных царизмом задач являлось обращение мусульманских народов в православных. Однако, претворяя намеченные планы в жизнь, не были учтены особенности менталитета коренного населения, в связи с чем эта миссионерская затея провалилась. Царизму стало ясно, что поддерживать ислам выгоднее, чем насаждать исповедующим его христианство. Языковой барьер являлся большим препятствием для проведения колониальной политики. Татарский язык, являвшийся более понятным и доступным для коренного населения Казахстана, стал единственным источником проведения административных мероприятий царизма на восточных рубежах.

Императрицей Екатериной II издается ряд указов и распоряжений для успешного проведения в жизнь дальнейших захватнических целей. Так в 1786 году издается указ, исполнение которого поручается барону Игельстрому, о введении специальных училищ в казахских степях. Преподавателями назначались казанские муллы, проинструктированные о том, «... чтобы они воспитывали киргиз в духе подчинения царствующему дому...» [1].

Предписание об издании учебной литературы на казахском языке имело немаловажное значение для распространения образования среди народов Казахстана и национального уровня среди степняков. Строительство мечетей для кочевников, сыграло позитивную роль в распространении ислама среди казахов, что являлось частью планов царизма. В связи с чем данные мусульманские заведения по распоряжению Екатерины II строились на государственные средства.

Начиная со второй половины XIX века царское правительство пересматривает политику поощрения мусульманства в Казахстане. Россия, усмотрев реакционный настрой со стороны проповедников ислама по отношению к «неверным», ввела

запрет на въезд в Казахстан мулл, выходцев из среднеазиатских ханств и даже коренных казахов, получивших образование в Средней Азии. Было решено приостановить строительство новых мечетей и оказание материальной помощи в открытии конфессиональных школ.

В 1877 году Министерством народного просвещения был выработан проект инструкции инспекторам казахских, башкирских, татарских школ.

Инспектированию подлежали: 1) все находящиеся в учебном округе, при которых состоял инспектор, инородческие школы и училища для нехристиан-инородцев; 2) лица, занимающиеся частным и домашним обучением инородцев.

Мусульманские учебные заведения могли быть открыты только с разрешения учебного начальства Министерства народного просвещения. Содержатели или учредители уже существовавших школ обязаны были заявить учебному начальству, которое и утверждало их существование.

В мектебах должны были употребляться только печатные руководства, причем для преподавания магометанского вероучения допускались лишь одобренные цензурой, а по другим предметам – одобренные сверх того учебным начальством. Инспектор должен был следить, чтобы во всех инородческих училищах были введены: во-первых, в мектебах – именные списки учеников с указанием звания, возраста, времени поступления в училище и выбытия из него; во-вторых, в медресе – книги о живущих в учебном заведении шагирдах с означенными сведениями и указанием места жительства шагирда, а также то, из какого медресе или мектеба он поступил. Заведующие мектебов и медресе ежегодно подавали инспектору точные статистические сведения о личном составе учебных заведений.

Инспектор определял применительно к местным условиям время и порядок учебных занятий по всем предметам обучения и продолжительность каникул. Что же касается переписки инспектора с заведующими медресе и мектебов, то до первого января 1880 года она производилась на татарском языке, то есть инспектор должен был принимать бумаги, написанные на этом языке, от себя же писать на русском с переводом на татарский. С первого января 1880 года переписка должна была вестись исключительно на русском языке. Инспектору подавались прошения об открытии новых мектебов и медресе. Он передавал их попечителю округа, от которого зависело разрешение на открытие мусульман-

ских учебных заведений в том только случае, при прошениях были представлены: 1) обязательства о содержании русских классов на счет учредителей медресе и мектебов; 2) подтверждение общества о желании открыть учебное заведение с обозначением средств, для достаточного материального обеспечения открываемых медресе и мектебов.

Причем размер жалования учителю русских классов не должен был быть менее 350 рублей в год [2].

Но идея об открытии мусульманских учебных заведений с русскими классами не возымела успеха, особенно на территории Южного Казахстана.

С приходом нового генерал-губернатора Туркестанского края Н. О. Розенбаха в 1884 году начинается период иных отношений к религиозным школам. Если бывший генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон-Кауфман придерживался политики невмешательства во внутреннюю жизнь мусульманских школ, то его преемники – генерал Розенбах и барон Вревский сомневались в правильности данной политики.

В начале 1884 года Розенбах распорядился создать комиссию по вопросу о мусульманской пропаганде. Комиссия указала на необходимость привести в точную известность количество мусульманских школ и подчинить их «русскому государственному надзору» [3].

Данное решение не могло быть приведено в исполнение в полной мере, особенно в местах проживания кочевого населения. Нехватка штатных единиц в инспекции народных училищ, различные меры по притеснению инородных учебных заведений создавали условия для их нелегального существования. Единственным исполнительным органом, в силе которого была возможность по выявлению более точного количества мусульманских школ, являлись участковые приставы, однако и здесь встречались препятствия. При совершении объездов, встречалось недоброжелательное отношение со стороны местного населения к полицейскому патрулированию. Было необходимо, чтобы в среде коренного населения находились «благонадежные» для царской администрации люди, причем как среди учителей, так и среди учащихся. Такое внедрение в среду мусульман христиан могло вызвать отрицательную реакцию.

Но генерал Розенбах к данному вопросу решил подойти более осторожно. Так как система игнорирования, рассчитанная на упадок мусульманских школ естественным путем не оправда-

лась, то было решено выдвинуть в противовес им русско-туземные школы. Эти учебные заведения соединяли в себе мусульманский мектеб и русскую школу грамоты.

В 1887 году Розенбах обратился в министерство просвещения с большим докладом. В одном из пунктов доклада говорилось о том, что «... управление учебными заведениями края имеет в своем штате только двух инспекторов народных училищ, которым не под силу установить контроль за всеми религиозными школами всего Туркестана. Необходимо учредить особую должность инспектора мусульманских школ, по примеру Казанского и Оренбургского округов...» [4].

В результате настойчивости генерала Розенбаха в 1890 году была учреждена должность специального инспектора мусульманских школ Туркестанского края. Инспектором был назначен преподаватель учительской семинарии В.П. Наливкин. Знаток истории Туркестана, владевший арабским, персидским и узбекским языками, инспектор Наливкин был организатором первой русско-туземной школы, написал ряд трудов по истории местного края, составил серию учебников и руководств. Он придерживался русификаторской политики по отношению к местному населению. И для претворения своих замыслов в жизнь считал необходимым начать с мусульманских школ. Введение преподавания русского языка в мектебах и медресе являлось основой для достижения цели. Но упорное сопротивление со стороны руководителей медресе, поддерживаемое местной феодальной верхушкой и духовенством, сбивало все планы инспектора. В различные отделения царской администрации на нововведения Наливкина сыпался шквал жалоб, кляуз и донесений, зачастую не имевших под собой реальной почвы.

Для начала он предлагал открыть при медресе курсы русского языка. А оплата учителю должна была производиться из вакуфных сумм каждого медресе. На такую постановку вопроса даже военные губернаторы отозвались отрицательно. В первую очередь достаточно было взглянуть на русско-туземные школы, где преподавание русского языка и изучение его «инородцами» оставляло желать лучшего. Использование вакуфных средств для оплаты учителю русского языка губернаторы посчитали неприличной и рискованной мерой.

Таким образом, отстаивая свою неприкосновенность, медресе нашли своих неожиданных защитников в лице военных губернаторов Рос-

товцева и Королькова. Более того, этот вопрос привел к внутриведомственной распре среди царских чиновников. Особенно сильно эти разногласия возникли между инспектором Наливкиным и главным инспектором народных училищ Туркестанского края Ф. Керенским.

В результате эти события привели к упразднению должности особого инспектора по мусульманским школам в 1895 году. Натиск по реформированию медресе с этого момента значительно ослаб.

За время своей деятельности в должности инспектора мусульманских школ Наливкин составил «инструкцию для старших мударисов медресе Туркестанского края». Надо заметить, что инструкция способствовала некоторому упорядочению работы медресе. Был усилен контроль за деятельностью хозяйственных попечителей (мутавалли). После обнародования инструкции некоторые шагирды стали писать в местные газеты о безобразиях и злоупотреблениях со стороны мударисов и мутавалли. Также шагирды получили право избирать другого учителя и хозяйственного попечителя.

Еще одним положительным моментом для медресе было предложение Наливкина ввести обучение арабского языка и изучение Корана на родном языке. Но здесь свой отказ власти апеллировали опасением провокации мусульманского фанатизма и прогресса местной национальной культуры. Однако несмотря на реформаторские стремления в образовании Наливкин также являлся сторонником общечеловеческих ценностей. Он открыто выступал с осуждением хищения, поборов, вымогательства и т. д. со стороны отдельных представителей русской администрации.

Туркестанский край начал заселяться крепостными крестьянами раньше, чем завоеванные русскими войсками, особенно регионы Семиречья, где с 1847 по 1867 годы находилось 15000 русских колоний. Кроме того, хлынула волна эмигрантов в Самарканд, Фергану и страны транскаспийского региона. В этих условиях естественно вставал вопрос об образовании детей переселенцев, а так как в тот период не существовало светских учебных заведений в регионе, то и не было альтернативы церковно-приходским школам. Такие учебные заведения на территории Казахстана были двух типов, школы грамоты и миссионерские.

В основном учителя церковно-приходских школ имели среднее и начальное образование, а многие и вовсе были без образования. Квалифици-

цированные преподаватели не имели никакого желания работать в этих школах, так как жалование было незначительным (100-150 рублей в год), в то время как в учебных заведениях Министерства народного просвещения около 360 рублей в год. Законоучители же в церковно-приходских школах получали еще меньше – от 50 до 100 рублей в год [5].

Однако, несмотря на отсутствие подготовленных учителей, трудности с помещениями, учебниками и многое другое, число церковно-приходских школ росло из года в год, улучшались методы преподавания в них, вводились новые дисциплины. Но основной целью этих школ по-прежнему оставалось религиозно-нравственное воспитание.

Как уже известно, обучение в конфессиональных учебных заведениях затягивалось, что в основном было характерно для мектебов и медресе, но такая проблема существовала и в других религиозных школах. Одной из причин являлось то, что родители забирали своих детей из школ на неопределенный срок для решения домашних проблем. Они занимались торговлей на рынках, помогали родителям по ремеслу, или признавались родителями маловозрастными для занятий в школе. Затем возвращались в школы и продолжали учебу, отставая по программе.

Тем не менее, число церковно-приходских школ с каждым годом росло по всей территории Казахстана в связи с увеличением количества русского населения. Например, в Акмолинской области с 71 в 1900 году до 120 в 1913. В Туркестанском крае церковно-приходские школы находились в основном в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. К 1916 году в крае их насчитывалось 106, во всем Казахстане – 335. В основном это были школы с трехлетним курсом обучения [6].

Исторически сложилось так, что на территории Казахстана проживали народы, исповедовавшие разные религиозные убеждения, в основном мусульмане и православные христиане. У них были свои конфессиональные школы, различающиеся друг от друга по содержанию и методам преподавания, они находились в неравном положении. Мусульманские и еврейские учебные заведения преследовались колониальными властями, многие из них вынуждены были действовать нелегально, церковно-приходские же школы находились в более привилегированном положении. Однако хочется отметить и общность этих школ, она заключается в том, что конфессиональные школы, невзирая на их слабости и

недостатки, стремились заложить в своих воспитанниках прочную нравственную основу.

В не менее сложном положении находились еврейские школы. Точное количество таких учебных заведений на территории Казахстана определить практически невозможно. Подвергаясь различным притеснениям со стороны царской администрации, находясь зачастую на полуполюгальном положении, эти школы были малочисленны. Конечно же, небольшое количество этих учебных заведений определялось в первую очередь малочисленностью еврейского населения, проживаемого в регионе. Недоверчивое отношение мусульманского духовенства также подтачивало и без того шаткое положение этих школ. Как и все конфессиональные учебные заведения, эти школы носили религиозный характер обучения.

В 1901 году Министерство народного просвещения решило реформировать так называемые хедеры – начальные еврейские школы. Содержатели этих школ обязаны были преподавать в них русский язык и арифметику. А те, кто решился открыть подобную школу, должны были иметь образовательный ценз.

С распространением светского образования на территории Казахстана еврейское население стало стремиться дать своим детям европейский уровень знаний. В связи с более тяжелым материальным положением учителей еврейских школ, по сравнению с другими конфессиональными учебными заведениями, все имеющие светские знания стремились идти преподавать в русские школы. Для этого они должны были принять христианскую религию. Однако после казни народовольцами Александра II еврейских детей стали изгонять из русских школ, сократился прием и в высшие учебные заведения.

И нельзя сказать, что эта тенденция была временной. В секретном письме господину Главному инспектору народных училищ Туркестанского края от января 1914 года Министр народного просвещения господин Л. Кассо писал об немедленном увольнении преподавателей евреев из учебных заведений: «... эти учителя приняли христианство и получили метрические свидетельства о Священном Крещении незаконно, у пастора Пирса» [7].

Таким образом, можно констатировать следующее. Во-первых, мектебы и медресе являлись традиционной формой обучения населения Южного Казахстана. Однако, мектебы для оседлых и кочевых народов обладали своими специфическими особенностями, связанными, прежде всего,

с экономическим укладом. В политике царского правительства по отношению к мусульманским учебным заведениям происходила трансформация, выразившаяся в повороте от поддержки до полного контроля и запрета. Во-вторых, несмот-

ря на то, что под давлением религиозных и этнических общин на территории Южного Казахстана открывались национальные школы, царское правительство проводило политику насильственной христианизации и русификации.

Литература

- 1 Климович Л. Ислам в царской России. – М., 1936. – 87 с.
- 2 Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург, 1896. – С. 63.
- 3 Амерханова Ж.Б. Политика царизма в области народного образования в Казахстане (вторая половина XIX-начало XX вв.): Автореф. дисс. к.и.н. – Алматы, 1996. – 26 с.
- 4 Тажибаев Т. Т. Просвещение и школы Казахстана во II половине XIX века.– Алма-Ата, 1962.
- 5 Яковлев В. Церковно-приходские школы Туркестанской епархии к 1896-1897 году. – Верный, 1898. – С. 2.
- 6 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX в.в.). – М., 1991. – С. 403.
- 7 Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. – М., 1948. – 289 с.

References

- 1 Klimovich L. Islam v carskoj Rossii. – M., 1936. – 87 s.
- 2 Vasil'ev A. V. Istoricheskij ocherk russkogo obrazovanija v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostojanie. – Orenburg, 1896. – S. 63.
- 3 Amerhanova Zh.B. Politika carizma v oblasti narodnogo obrazovanija v Kazahstane (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.): Avtoref. diss. k.i.n. – Almaty, 1996. – 26 s.
- 4 Tazhibaeв T. T. Prosveshhenie i shkoly Kazahstana vo II polovine XIX veka.– Alma-Ata, 1962.
- 5 Jakovlev V. Cerkovno-prihodskie shkoly Turkestanskoj eparhii k 1896-1897 go-du. – Vernyj, 1898. – S. 2.
- 6 Oчерki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR (konec XIX – nachalo XX v.v.). – M., 1991. – S. 403.
- 7 Jefirov A.F. Nerusskie shkoly Povolzh'ja, Priural'ja i Sibiri. Istoricheskie oчерki. – M., 1948. – 289 s.